

На правах рукописи

КУМАНОК Ольга Валентиновна

**ИДИОМАТИКА ПОЭЗИИ АКМЕИСТОВ
(когнитивно-дискурсивный аспект)**

специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Белгород – 2008

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Белгородский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Алефиренко Николай
Федорович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Бондаренко Виктор
Терентьевич

кандидат филологических наук,
доцент Семененко Наталья
Николаевна

Ведущая организация: Челябинский государственный
педагогический университет

Защита состоится 13 ноября 2008 г. в 16.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.015.03 в Белгородском государственном университете по адресу: г. Белгород, ул. Победы, 85.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного университета.

Автореферат разослан 11 октября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М.Ю. Казак

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Когнитивно-дискурсивный подход к изучению языка поэзии акмеистов предполагает обращение к идиоматике, с одной стороны, воспроизводимой в процессе лингвокреативной деятельности творческого сознания личности поэта, а с другой, воспринимаемой как совокупность устойчивых косвенно-производных знаков, отражающих этнокультурное восприятие отображаемой в поэтическом тексте действительности. Такой подход открывает возможность исследования фразем в поэтическом дискурсе в органическом единстве нескольких направлений: лингвокультурологическом, коммуникативно-прагматическом и когнитивном.

Актуальность исследования обусловливается его направленностью на выявление и анализ художественно-изобразительной функции фразем в поэтическом тексте в связи с их ролью в создании идиостиля поэта в рамках литературного направления – акмеизма. Этим объясняется применение в диссертации комплексного – когнитивно-дискурсивного – подхода, обращенного к осмыслению поэтических образов как конструктивных элементов ценностно-смыслового уровня концептосферы поэтической речи.

Понятие «идиоматика» в данном исследовании включает в себя все устойчивые и воспроизводимые сочетания слов, выявленные в поэтических произведениях Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой и О.Э. Мандельштама. Такое понятие, разумеется, несколько условно, поскольку (если обратиться к классификации В.В. Виноградова) идиомами называются только фразеологические единства и сращения.

Таким образом, диссертационное исследование посвящено актуальной проблеме современной лингвистики – исследованию механизмов вербализации в поэтической речи концептов и анализу их роли в формировании индивидуально-авторской картины мира поэта.

Объектом исследования является фразеологическое употребление в поэтических текстах представителей акмеизма с точки зрения коммуникативной ориентированности создаваемых ими текстов на адресата.

Предмет данного исследования – система поэтических концептов как способ реализации смысловой структуры художественного дискурса.

Цель работы – выявление в стихотворениях поэтов акмеистической школы (Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой и О.Э. Мандельштама) фразем, вербализующих поэтические концепты, значимые для экспрессивно-образного воплощения авторского замысла и определяющие своеобразие их идиостиля.

Для достижения этой цели решались следующие **задачи**:

- 1) обосновать и сформулировать рабочие дефиниции понятий «поэтическое сознание», «поэтический концепт» и «поэтический дискурс»;
- 2) определить роль и место фразем в когнитивно-дискурсивном пространстве поэтического текста;

3) раскрыть сущность поэтического концепта как когнитивно-дискурсивного основания формирования значения употребляемой в поэтическом тексте фраземы;

4) подвергнуть лингвокогнитивной интерпретации дискурсивные смыслы выделенных поэтических концептов, отражающих специфику индивидуального мировосприятия исследуемых авторов;

5) выявить закономерные зависимости структурно-семантических изменений фразеологизмов от дискурсивного воплощения авторского замысла.

Научная новизна исследования заключается в том, что в диссертации впервые рассматривается проблема вербализации фразеологическими средствами элементов поэтической картины мира поэтов акмеистического литературного направления путём соотнесения в рамках поэтического дискурса таких двух феноменов художественного мышления, как *поэтический концепт* и *фразеологизм*. В новом ракурсе рассматривается специфика дискурсивного функционирования ключевых для акмеизма «фразеологических» концептов.

Методологической основой диссертационной работы являются положения о взаимоотношении языка, речи и сознании, в частности поэтического сознания субъектов дискурсивной деятельности, а также положение о взаимовлиянии языка и культуры в процессе порождения и восприятия художественного текста.

Поставленные цель и задачи исследования предполагают использование следующих лингвистических **методов**:

- 1) метода концептуального анализа;
- 2) компонентного анализа;
- 3) контекстологического анализа;
- 4) элементов лингвостилистической интерпретации поэтического текста;
- 5) метода фразеоморфологической комбинаторики, разработанной проф. Н.Ф. Алефиренко для исследования и описания речемыслительных механизмов формирования фразеологического значения.

Теоретическая значимость диссертации заключается в теоретическом обосновании сущности поэтического концепта (в его сопоставлении с художественным концептом) как элемента поэтической, а также в рассмотрении поэтического дискурса как среды формирования и развития смыслового диапазона фразем.

Практическая ценность исследования состоит в возможности использования его материалов и выводов в вузовском преподавании курсов «Лингвистический анализ художественного текста», стилистики (изучение идиостиля писателя) и когнитивной лингвистики.

Источники исследования – поэтические произведения Н.С. Гумилева, А.А. Ахматовой и О.Э. Мандельштама (Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. I. Стихотворения; Поэмы / Вступ. ст., сост., примеч. М. Богомолова. – М.:

Худож. лит., 1991. – 590с.; Ахматова А.А. Собрание сочинений. В 2-х т. / Под общ. ред. Н.Н. Скатова; Составление и подготовка текста М.М. Кралина. – М.: Правда, 1990; Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. Стихотворения. Проза. Сост. и коммент. П. Нерлера и А. Никитаева. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1999. – 367с. (Т. 2. 1993. – 703с.; Т.3. 1994. – 527с.; Т.4. Письма. Сост. и коммент. П. Нерлера, А. Никитаева, Ю. Фрейдин, С. Василенко. М., 1999. – 607с.). Исследовались только оригинальные (непереводные) поэтические произведения акмеистов, поскольку переводной текст не может быть выражением творческой индивидуальности даже талантливого переводчика, который лишь ретранслирует поэтический замысел автора на другой язык.

Материал исследования обусловлен типом художественного текста, поскольку в поэзии узуальные фраземы подвергаются, как правило, контекстуальному видоизменению. Поэтому под исследовательским объективом оказались и собственно идиомы, и поговорки, и поэтические фразеологизмы, то есть выражения, обладающие образностью в данном поэтическом дискурсе, но ещё не нашедшие отражения в лексикографических источниках. Интерес для данного исследования также представляют фразеологизмы, подвергшиеся буквализации, то есть имеющие облик фразеологических единиц, но воспринимаемые и как фразеологизм, и как свободное словосочетание. Объём авторской картотеки, составленной методом сплошной выборки, – 1015 фразеомупотреблений (904 единицы).

Апробация результатов исследования осуществлялась на международной научной конференции БелГУ «Фразеология и когнитивистика» (2008 г.) и на «Славянских чтениях» (Старооскольский филиал БелГУ, 2006 г.), а также на Всероссийском конкурсе аспирантских работ (Тамбов, 2007). Основные положения диссертации отражены в восьми публикациях, в том числе в 2-х статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы: диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографии и приложения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Поэтическое сознание, будучи творческим продуктом лингвокреативного мышления, является образным отражением (в том числе и фраземами) «возможных миров» (Л. Витгенштейн), продуктом вербализации результатов переживания воспринимаемой действительности, а также её личностной (пристрастной) интерпретации речевых образов создаваемых в поэтическом тексте с помощью дискурсивно обусловленного фразеомупотребления. Сущность поэтического сознания определяется рефлексией, под которой понимается отражение авторским сознанием самого себя, при котором происходит удвоение некоторого фрагмента в дискурсивном пространстве образов, лежащих в основе поэтических концептов, вербализуемых фраземами.

2. Элементом отражения действительности в поэтическом сознании является художественный (и уже поэтический) концепт. Он выступает и как классифицирующий механизм, и как универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти, способный выступать в качестве строительного материала при поэтическом выражении новых художественных смыслов. В поэтическом произведении, являющемся продуктом лингвокреативной деятельности поэта, наряду с ранее сформированными обыденными представлениями о каком-либо явлении имеет место приращение индивидуальных смыслов, отражающих особое мировидение автора.

3. Поэтический дискурс – сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам поэтический текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание описываемого события, его место в биографии поэта, а также мнения, ценностные установки поэта), играющие важную роль для понимания описываемого события и его художественного восприятия. Элементами поэтического дискурса служат сами излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т.е. обстоятельства, сопровождающие события; пресуппозиционный эмотивно-экспрессивный фон, оценочные смыслы и т. п.

4. Концептосфера поэтической речи представляет собой совокупность основных поэтических концептов, определяющих своеобразие художественного мышления поэта, значимых для него и объективированных в соответствующем поэтическом тексте. В наиболее актуализованной части поэтического сознания поэтов-акмеистов, вербализованной в их лирике посредством фразеологизмов, ключевыми являются концепты «Время», «Взгляд», «Смерть», «Судьба» в их «земном», обыденном значении, что объясняется художественно-методологическими установками акмеизма, стремившегося вернуть художественному слову первоначальный, не символический смысл.

5. Поэтическое моделирование дискурсивного пространства лирического произведения стимулирует структурно-семантические изменения фразеологических единиц: их усечение, расширение лексического состава, замену, контаминацию лексических компонентов и т.д. Сохранение структуры фраземы может сопровождаться (а) её буквализацией, т.е. одновременной реализацией фразеологического и свободного значений или «разложением» фраземы, или (б) вторичным метафорическим переосмыслением (ведущую роль здесь играет контекст). Это связано с необходимостью реализации авторского замысла, а также прагматическими установками поэтического сознания на внутреннюю диалогическую речь, в ходе которой у читателя формируется адекватное, не символическое, эмотивно-модальное отношение к создаваемому поэтическому образу.

6. Одной из важнейших особенностей вербализации акмеистами фразеологизмов является употребление их в буквальном значении. Оно не было случайным, а служило своеобразным приёмом, придающим фраземе

текстообразующую значимость, конкретность и двуплановое видение соответствующей денотативной ситуации как элемента создаваемой поэтической картины мира. Такой приём характерен именно идиостилю а к м е и з м а – поэтического направления в русской литературе XX века, провозгласившего освобождение от символизма и поэтому признававшего необходимость употреблять языковые единицы в их буквальном значении.

7. Своеобразие идиоматики поэтической речи акмеистов зависит не только от эпохи, времени написания, культурного наследия, но и от философских и нравственных установок автора, а также от его принадлежности к акмеизму как особому литературному направлению. Функционально-стилистические особенности поэтической речи акмеистов влияют на своеобразие проявления в ней идиоматики как изобразительно-выразительного средства отражения концептосферы поэта. Использование идиоматики в исследуемых поэтических текстах обусловлено жизненными установками акмеистов, (1) признававшими самоценность каждого явления, не нуждающуюся ни в каком оправдании извне; (2) стремившихся «всегда идти по линии наибольшего сопротивления» (Н.С. Гумилёв); (3) утверждавшими, что нужно «всегда помнить о непознаваемом, но не оскорблять своей мысли о нём более или менее вероятными догадками» (Н.С. Гумилёв); (4) следовавшими принципу «светлой иронии».

Содержание исследования отражено в 8 публикациях (3,1 печатных листа), в том числе 2-х статьях в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во в в е д е н и и обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цель и задачи работы, раскрывается ее научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, дается представление о материале и методике его исследования, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В п е р в о й г л а в е **«Когнитивно-дискурсивные основы исследования идиоматики поэтического текста»** рассматривается поэтический концепт как элемент поэтического сознания и как основа формирования и изменения семантики фразеологизма в поэтическом дискурсе.

Результаты исследований современной когнитивной лингвистики (С.А. Аскольдов, П.В. Чесноков, Р.И. Павилёнис, М.А. Холодная, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкин, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова) позволяют утверждать, что концепт представляется комплексным феноменом, фокусирующим в себе и образы культуры, и индивидуальные смыслы

говорящего. В такой плоскости концепты представляются некими ценностно-смысловыми квантами знания, объективированными в этнокультурном сознании и являющимися основой формирования значения как слов, так и фразем.

Вследствие того, что в основе классификаций концептов лежат разные принципы, типология концептов характеризуется многомерностью. Согласно классификации А. Вежбицкой, концепты рассматриваются как гипотетические элементарные примитивы, лексикализованные во всех языках мира. Исходя из принципа многомерности категоризации концептов, их подразделяют на параметрические («Время», «Пространство», «Качество», «Количество» и др.), и непараметрические, которые имеют предметное содержание (среди которых различают регулятивные и нерегулятивные) (В.И. Карасик). Концепты, вербализуемые фраземами, типологизируются исследователями в зависимости от способа репрезентации в сознании того или иного явления, а также от его особенностей: мыслительные картинки (модели, образцы), схемы, фреймы, скрипты, сценарии, инсайты (А.П. Бабушкин). В связи с исследованием соотношения в концептах общечеловеческого и идиоэтнического различаются *концепты-универсалии* – семантические примитивы, «фундаментальные общечеловеческие концепты» и *концепты-уникалии* (к ним относятся и *поэтические концепты*), которые отражают социально-психическое многомирие, представленное разными национально-языковыми сообществами (Н.Ф. Алефиренко).

Согласно Н.Ф. Алефиренко, когнитивно-дискурсивная сущность фраземопорождающего концепта предопределяет своеобразие семантического рисунка фразем, которые, в отличие от других единиц вторичного образования, являются знаками *косвенно-производной номинации*. Это означает, что их образование предполагает наличие элементов, ретроспективно имеющих собственное значение, что элементы эти имеют «непрямое» значение, и связь этих элементов довольно тесная, хотя их первичные значения, как правило, друг с другом не соотносятся. В связи с этим выявляется важное категориальное свойство фразеологического знака – *асимметрия означаемого и означающего*. Именно в силу такой асимметрии фразема обладает способностью выполнять функцию косвенно-производной вербализации поэтических концептов.

Поэтический концепт (как разновидность художественного) представляет собой своеобразный универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти, который способен выступать в качестве строительного материала при формулировании новых художественных смыслов.

О том, что фразеопотребление – это ситуативно обусловленный лингвокреативный процесс, свидетельствует практика употребления фразем в поэтическом дискурсе. Например, в следующем поэтическом отрывке наблюдается целый ряд фразем, уже известных этнокультурному сознанию носителей языка, но в какой-то мере преобразованных индивидуальным

поэтическим сознанием. Данные изменения обусловлены коммуникативным намерением автора создать определенную систему образов, эстетически воздействующих на читателя (слушателя):

*Ах! – где те острова,
Где растет трин-трава
Густо...
Где Ягода-злодей
Не гоняет людей
К стенке
И Алёшка Толстой
Не снимает густой
Пенки* (Ахматова А. «Из забытого»).

Даже при анализе только одной из вышеприведённых фразем *гонять к стенке* становится ясно, насколько новый ситуативный смысл влияет на её контекстуальное преобразование. Так, замена во фразеологизме *ставит к стенке* ('расстреливать') лексемы *ставить* ('заставлять стать, занять где-нибудь место в стоячем положении') на *гонять* ('заставлять двигаться в каком-нибудь направлении', причем это действие совершается не в одно время, не за один прием или не в одном направлении) вербализует, сформировавшийся в сознании А. Ахматовой, образ Генриха Ягоды, многократно приговаривавшего многих людей к смерти. Для вербального выражения его особой жестокости потребовалась подмена узуального глагольного компонента *ставить* более подходящей для данного дискурса лексемой *гонять*. Сохраняя ядерную сему, она не только указывает на многократность действия, но и подспудно напоминает фразему (*где*) *куда Макар телят не гонял*. К тому же она вызывает два ряда ассоциаций: *люди – телята* и *острова – дебри, захолустье*.

Дискурс представляет собой связанное с психологическими, социокультурными, прагматическими и др. факторами речемыслительное образование событийного характера. Понятие поэтического дискурса, таким образом, применимо к поэтической речи, так как она является результатом речемышления автора и соответственно выражением вышеприведенных факторов. Исследование поэтического дискурса помогает реконструировать и уяснить коммуникативные цели поэта с учетом внутренних и внешних факторов, выявить особенности идиостиля писателя, его мышления.

Поэтический дискурс представляет собой своеобразное поле функционирования языковых единиц (особенно единиц косвенно-производной номинации, которые сами по себе уже являются часто сжатыми сюжетами). Фразеологизмы делают речь образной, красочной; особенно ярких свойства проявляются в поэтическом тексте, где они становятся одним из наиболее действенных языковых средств воплощения художественного образа.

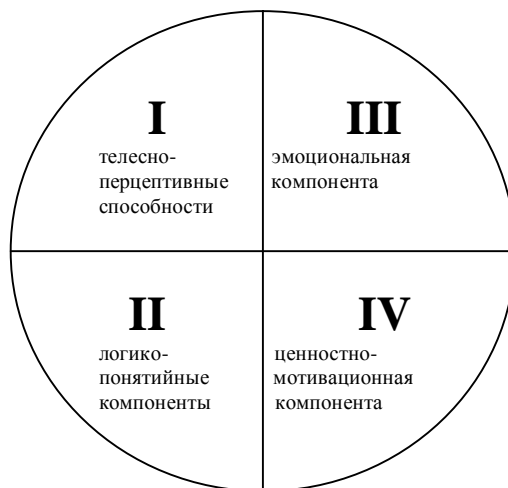
Используя формулу А.Н. Леонтьева, можно сказать, что сознание творческой личности как специфически человеческая форма субъективного отражения объективной реальности понимается только как продукт тех отношений и опосредствований, которые возникают в ходе становления и

развития общества. Однако индивидуально-творческое сознание креативно, поскольку не только участвует в восприятии и хранении духовной культуры, но и преобразует ее в виде концептов, творчески представляющих ту действительность, которая стала предметом словесного творчества.

Сознание всегда есть уяснение и осмысление субъектом природы определенных явлений и процессов. Оно является результатом творческого познания, а способом его существования становится интерпретированная в поэтическом тексте действительность.

Используя схему индивидуального сознания, созданную А. В. Ивановым и В.В. Мироновым, рассматривающих сознание с позиций философской гносеологии, можно схематично представить структуру индивидуального поэтического сознания также в виде круга, состоящего из четырех секторов: первый состоит из так называемых телесно-перцептивных способностей, второй образуют логико-понятийные компоненты поэтического мышления, третий связан с эмоциональной компонентой поэтического сознания, четвертый может быть соотнесен с его ценностно-мотивационной компонентой. Исходя из этого, можно предположить, что основными функциональными механизмами индивидуального поэтического сознания выступают восприятие, осмысление, «переживание» и оценка окружающего мира. Поэтому поэтическое сознание творчески воспринимает, анализирует, оценивает, преобразует получаемые сведения о мире, а также интерпретирует их с помощью словесных образов.

СХЕМА ПОЭТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ



В поэтических текстах образными средствами языка (в том числе и фразеологическими), создаются «возможные миры». В них находят свое место представления о явлениях и ситуациях действительного мира, причём действительность оказывается пропущенной сквозь призму авторского (в нашем случае – *поэтического*) сознания.

Вторая глава «Идиоматическая репрезентация концептосферы поэтической речи акмеистов» посвящена выявлению ключевых концептов в поэзии Н. Гумилёва, А. Ахматовой и О. Мандельштама, вербализованных фразеологизмами, рассмотрению их роли в национальной картине мира и анализу специфики их объективации у каждого из поэтов-акмеистов.

Анализ дискурсивно-когнитивных механизмов функционирования фразем, которые определяют специфику языка поэзии, позволяет выявить общие черты в концептосфере акмеистов, исходя из основополагающих установок данного литературного направления, а также раскрыть своеобразие их идиостилей.

В целом для концептосферы поэтов-акмеистов характерно преобладание следующих концептов: «Время» (66 употреблений фразеологизмов), «Взгляд» (55), «Судьба» (50), «Смерть» (47), «Душевная боль» (44), хотя соотношение фразеологизмов, вербализующих данные концепты, у каждого из представителей акмеизма различное.

Количественное соотношение фразеологизмов, вербализующих ключевые концепты поэзии акмеистов, представлены в таблице:

№ п/п	Концепт	Количество употреблений фразеологизмов в поэзии			
		Н. Гумилева	А. Ахматовой	О. Мандельштама	Всего
1	Время	31	23	12	66
2	Взгляд	33	10	12	55
3	Судьба	24	16	10	50
4	Смерть	19	18	10	47
5	Душевная боль	11	26	7	44

Концепт «Время» в поэзии акмеистов характеризуется наибольшей частотностью фразеологических вербализаций. Это обстоятельство связано, вероятно, с тем, что «Время» является одной из основных квалифицирующих категорий языкового сознания в целом, наряду с такими как: «Пространство», «Количество», «Качество», и др. Однако фразеологические вербализации других квалифицирующих категорий не столь частотны для поэзии акмеистов.

Фразеологические репрезентации концепта «Время» в поэтическом дискурсе акмеистов отражают своеобразие восприятия данного явления каждым из поэтов. Например, в поэзии А. Ахматовой фраземы отражают неспешное, размеренное течение времени, что связано с большей созерцательностью её поэзии. Для лирики А. Ахматовой также характерно мысленное обращение к прошлому, поскольку лирический субъект живет воспоминаниями. Важным фактором употребления релятивных фразем в поэтическом дискурсе А.Ахматовой является их связь с контекстом, в котором раскрывается внутренний мир, личные переживания:

*Сочтённых дней осталось мало,
Уже не страшно ничего,
Но как забыть, что я слышала*

Биенье сердца твоего?

(Ахматова А. «Сочтенных дней осталось мало...»).

В отличие от А. Ахматовой, Н. Гумилёв посредством поэтической фраземики показывает время в динамике, оно связывается с деятельностью, характеризуется устремленностью в будущее, а также осмысливается им преимущественно во вселенском масштабе. Так, например, фраза *от века*, соотносимая с четвертым определением слова *век* (с очень долгим временем, вечностью), называет несравнимо долгий промежуток времени, отсылающий в древность, – ‘издавня, с незапамятных времен’, и в контексте актуализирует историческое начало мира и его конец:

*Устанет – и к небу возводит свой взор,
Слепой и кощунственный взор человека:
Там, Богом раскинут от века до века,
Мерцает над ним многозвездный шатер.
Святыми ночами, спокойный и строгий,*

Он клонит колена и грезит о Боге (Гумилёв Н. «Сон Адама»).

Концепт «Время», объективированный фразеологизмами в поэзии О. Мандельштама, часто соотносим с историческим и культурным контекстом изображаемого:

*Возгласы темно-зеленой хвои,
С глубиной колодезной венки
Тянут жизнь и время дорогое,
Опершись на смертные станки –
Обручи краснознаменной хвои,
Азбучные, крупные венки!*

(Мандельштам О. «Не мучнистой бабочкою белой...»).

Фразеологические единицы, вербализующие концепт «Взгляд» в поэзии акмеистов называют различные характеристики процесса «рассматривания» (*глаз не мочь отвести, строить глазки, смерить взглядом, на глазах, в оба смотреть, проходить перед глазами, опускать глаза* и т.д.). Общность таких фразеологических единиц заключается в том, что ведущим компонентом выступает глагольный, в большинстве случаев употребленный в переносном значении (*строить глазки, бросить взгляд*), а зависимым словом является обычно именной компонент *глаза, взгляд, взор*. Такие фразеологические единицы передают как процесс смотрения, так и связанные с этим мыслительные процессы или процессы, выражающие какие-либо чувства, отношения.

В поэзии акмеистов достаточно широко представлен фраземами концепт «Смерть». Индивидуально-авторское представление А. Ахматовой о смерти прослеживается в связи с актуализацией дополнительных сем в контекстуальном окружении фразеологизмов. Этот концепт у поэта ассоциируется с одиночеством, мотивом ожидания смерти. Эмоциональное настроение, сопровождающее фразеологизмы, которые актуализируют данный концепт в лирических текстах А. Ахматовой, предполагает торжественность, спокойствие, а также состояние тоски и душевной тяжести:

*Я была, как и ты свободной,
Но я слишком хотела жить.
Видишь, ветер, мой труп холодный,
И некому руки сложить*

(Ахматова А. «Хорони, хорони меня, ветер!..»);

У О. Мандельштама прослеживается спокойное, положительное и, в какой-то мере, ироническое отношение к данному явлению:

*Пора вам знать, я тоже современник
Я человек эпохи Москвошвея, –
Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
Как я ступать и говорить умею!*

*Попробуйте меня от века оторвать, –
Ручаюсь вам – себе свернете шею!*

(Мандельштам О. «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...»).

Бесстрашное, героическое отношение к смерти характерно для фразеологических вербализаций данного концепта в поэзии Н. Гумилёва:

*За эти волшебные очи
Я смело в могилу сойду,
И первое, лучшее счастье
В могиле сырой я найду*

(Гумилев Н. «Во мраке безрадостном ночи...»).

Судьба в обыденном сознании предстает как нечто такое, что человек сам изменить не в силах, поскольку она ему дается свыше. Семантическое пространство концепта «судьба» на лингвокогнитивном уровне включает такие понятия как «доля», «участь», «рок», «удел», а также «промысел». Исследователи концептуального наполнения лексемы «судьба» выделяют в плане содержания семы случайности, неожиданности и значительности события (Т.В Радзиевская).

Большинство фразеологизмов, вербализующих этот концепт в поэзии Н. Гумилёва, А. Ахматовой и О. Мандельштама содержат компонент *судьба*. В поэзии А. Ахматовой также наблюдается преобладание фразеологизмов с компонентом *доля*, а в поэзии Н. Гумилёва – с компонентами *рок*, *жребий*.

В поэзии акмеистов, в целом, судьба связана со случаем и пассивностью человеческой воли (*выпадает жребий, судьба занесла, дала нам судьба, покорствуя судьбе, обманут переменчивой судьбой*). Однако если в поэзии О. Мандельштама наблюдается общая негативная оценка этого явления (*удар судьбы, судьбу клянет*), то у А. Ахматовой и Н. Гумилёва представлены его отрицательные (*мой рок тяжел, судьба грозит, несчастье не минует, пожелать такую долю лишь врагу*) и положительные стороны (*рок меня хранил, улыбается судьба, к ней судьба добра, подарила судьба*). Кроме того, фразеологическое воплощение этого концепта в идиостиле Н. Гумилёва предполагает активную позицию по отношению к судьбе (*пытайте рок, над роком одержав победу, судьбою побежден, вручая судьбы, противится судьбе, владеет судьбою, судьбу надо взвесить*).

Ведущим в лирике А. Ахматовой и Н. Гумилёва также представляется концепт, названный нами «Душевная боль». Немалое количество фразеологизмов, актуализирующих данный концепт, указывает на больший психологизм лирики данных поэтов, их повышенное внимание к своему внутреннему миру:

*То не сон, утешитель тревоги влюбленной,
И не тихий привет ветерка...
Это ранивший душу взглянул напряженно,
Так ли рана, как прежде, ярка.*

(Ахматова А. «Ничего не скажу, ничего не открою...»);

*Но грёза моя недовольна,
В ней голос тоски задрожал,
И сердцу мучительно больно
От яда невидимых жал.*

(Гумилёв Н. «RENVOI»).

Поэзия О. Мандельштама, напротив, более «сознательна». Ее источником является скорее мышление, а не переживание, ум, а не чувство, что подтверждается, в частности, количественным соотношением фразеологизмов, вербализующих концепты «Душевная боль» и «Разум» в поэтическом дискурсе исследуемого автора.

Выраженными не столь полно, но довольно значимыми в поэзии Н. Гумилёва являются концепты «Покорность», «Возможность», «Путь», «Волнение», у А. Ахматовой – «Равнодушие», «Взгляд», «Расплата», «Мир», у О. Мандельштама – «Действие», «Покорность».

При рассмотрении фразеологического состава стихотворений акмеистов выяснено, что отличительной чертой поэзии Н. Гумилёва является ее «героическая направленность», ведь такие концепты как «Мужество», «Борьба», «Победа-Поражение» актуализированы достаточным количеством фразеологизмов только в его поэзии.

Концептосфера поэтической речи акмеистов представляет собой совокупность основных поэтических концептов, взаимодействующих между собой, которые отражают своеобразие художественного мышления поэта.

В третьей главе «**Структурно-семантические изменения фразеологизмов в поэтическом дискурсе поэтов-акмеистов**» раскрываются основные направления контекстуального изменения фразем.

Творческая направленность поэтического сознания определяет расширение смыслового поля фраземы, употребляемой в поэтическом дискурсе, а значит стимулирует её контекстуальные преобразования различного рода. Согласно В.М. Мокиенко, фразеологизмы характеризуются двумя важными устойчивыми признаками: устойчивостью общего значения и устойчивостью конструкции. Однако такая устойчивость относительна, поскольку при употреблении фразем в речи (устной или письменной) реализуются их смысловые потенции, источником которых является лингвокреативное сознание автора, в связи с чем происходят структурно-семантические изменения. Они выражаются в преобразовании смысла

микрконтекста, экспрессивно-эмоциональных оттенков и обусловлены авторским мировоззрением и стилем, а также идейно-художественным содержанием произведения.

Анализ функций и роли определённых приёмов структурно-смысловых изменений фразем в поэтическом дискурсе акмеистов отражён в классификации, в основу которой легли исследования в этой области А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Н.Ф. Алефиренко, Н.Г. Бабенко, Л.Г. Ефановой и С.Г. Николаева.

В зависимости от характера структурно-семантических изменений исследуемые поэтические фразеологизмы подразделяются на 2 группы. В первую входят фразеологизмы, подвергшиеся в контексте структурному преобразованию. Среди таких преобразований выделены 4 подгруппы:

- 1) расширение компонентного состава;
- 2) эллипсис (усечение) идиомы;
- 3) замена одного компонента другим (при этом возможна замена семантически однородным (т.е. синонимическим) или неоднородным элементом);
- 4) контаминация.

Ко второй группе относятся фразеологизмы, которые употреблены в контексте без каких-либо структурных изменений. В ней выделяются 3 подгруппы:

- 1) сохранение структуры фраземы, сопровождаемое сохранением её семантики;
- 2) буквализация, т.е. одновременная реализация фразеологического и свободного значений;
- 3) сохранение структуры фраземы, сопровождающееся её вторичным метафорическим переосмыслением.

В некоторых случаях наблюдается сочетание вышеприведенных изменений.

В результате исследования дискурсивных преобразований поэтических фразем, выяснено, что такие изменения имеют своим источником коммуникативные намерения поэта.

1. Так, **расширение компонентного состава**, предполагающее включение одного или нескольких компонентов, направлено, в основном, на усиление экспрессивности и образности. Например:

*Словно раб, я был закован, жил, униженный, в плену
И забыл, неблагодарный, про могучую весну.*

*А она пришла, ступая над рубинами цветов,
И, ревнивая, **разбила** сталь мучительных оков.*

(Гумилев Н. «Рыцарь с цепью»).

Контекстуальное употребление фраземы *разбить оковы* – ‘освободить’ сопровождается распространением одного из компонентов (*сталь, мучительные*). Такая конкретизация способствует усилению образности и

создает ассоциативные параллели внутри контекста (*раб, униженный, в плену*).

Расширение компонентного состава часто имеет место, если, согласно авторскому замыслу, необходимо уточнить какое-либо обстоятельство. Так, контекст стихотворения «Мужество» сконцентрирован вокруг данного концепта, и это слово включается во фразеологизм:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет*

(А. Ахматова «Мужество»).

2. *Эллипсис* (усечение) идиомы представляет собой пропуск компонента, который легко восстанавливается из контекста. В силу сжатости лирического произведения этот приём способствует восстановлению ассоциативных параллелей, а значит расширению смыслового поля поэтического фразеологизма

Например, слово *вавилонь* с точки зрения современного читателя актуализируется в сознании опосредованно, через значение фразеологических оборотов и ассоциацию с названием древнего города Вавилон. Об этом можно судить по тому, что слово *вавилонь* не представлено в «Толковом словаре современного русского языка». Необходимо отметить, что для словарного состава языка XIX века данное слово было актуально, поскольку его определение дано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Эта лексема употреблена в стихотворении О. Мандельштама:

*Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек калёный,
Улиц твоих большеротых кривые люблю **вавилонь**.*

(Мандельштам О. «Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»).

Слово *вавилонь* в этом контексте порождает два ряда ассоциаций. С одной стороны, ассоциации с фраземой *выводить вавилонь* («о человеке, идущем шатающейся, нетвердой походкой, выписывающего ногами зигзаги»), посредством которой реконструируется значение самого слова («запутанный, криволинейный узор»). Эти ассоциации поддерживаются контекстуальным сочетанием с лексемой *кривые*. С другой стороны – с фраземой *вавилонское столпотворение* («полная неразбериха, беспорядок, путаница; шум, гам, суматоха»), который характеризует многолюдные и шумные ереванские улицы. Эти ассоциации поддерживаются контекстуальным сочетанием со словом *большеротые*. Такое употребление идиомы в контексте способствует адекватному отражению настроения автора и его отношения к характеризуемому городу.

3. При *замене* компонент может быть синонимичным исходному или нет. Замена компонента как синонимичным, так и несинонимичным затрагивает коннотативную область фразеологического значения, и поэтому влечет за собой изменение именно в плане оценки, эмотивности, экспрессивности. Так, например, употребление фраземы *не верить глазам*,

обозначающей 'страшно удивляться, поражаться и т.п. чему-либо увиденному', сопровождается контекстуальной заменой компонента *глаза* на *очи* (компонентом, характеризующимся пометой «высокое»). Это должно, соответственно, «возвысить» фразеологизм, однако поэтический контекст направляет изменение его коннотативных характеристик в противоположную сторону: за счёт несоответствия употребления «высокого» слова в разговорном, по сути, фразеологизме создаётся эффект иронической оценки изображаемого. Но при этом фразеологизм не меняет своего значения:

– *Смертный, откуда идешь?* – *Я был в гостях у Шилейко.*

Дивно живет человек, смотришь – не веришь очам:

В креслах глубоких сидит, за обедом кушает гуся.

Кнопки коснется рукой – сам зажигается свет.

– *Если такие живут на Четвертой Рождественской люди,*

Путник, скажи мне, прошу, – как же живут на Осьмой?

(Мандельштам О. «Антология античной глупости»)

Замена компонента во фразеологизме семантически неоднородной лексемой может затрагивать лишь коннотативную область её значения. В нижеследующем контексте в канонической фразеологизме *глас вопиющего в пустыне* вместо компонента *вопиющего* автор употребляет слово *Господа*, что не изменяет денотативное значение фраземы – 'напрасный призыв к чему-либо, остающийся без ответа, без внимания':

Я вежлив с жизнью современной,

Но между нами есть преграда –

Всё, что смешит ее, надменную,

Моя единая отрада.

Победа, слава, подвиг – бледные

Слова, затерянные ныне,

Гремят в душе, как громы медные,

Как голос Господа в пустыне.

(Гумилев Н. «Я вежлив с жизнью современной...»)

Но именно такое изменение фраземы восстанавливает связь с изначальной библейской основой возникновения данного фразеологизма, когда пророк, призывавший израильтян к покаянию, «вопиющий», выражал волю Господа. Поэтому автор прибегает к такому приёму, чтобы показать читателю свое отношение к понятиям «подвиг», «слава» и «победа» как к святыне.

4. Посредством *контаминации* расширяются ассоциативные связи за счёт соотнесения со значениями нескольких фразем. Так, в следующем контексте автор использует наложение фразеологизма *смешать с грязью* (концепт «Унижение») и *хлеб насущный* (концепт «Необходимое»), сопровождаемое усечением идиомы *хлеб насущный*:

Зачем вы отравили воду

И с грязью мой смешали хлеб?

Зачем последнюю свободу

Вы превращаете в вертеп?

(А. Ахматова «Зачем вы отравили воду...»)

Фразеологизм *хлеб насущный* обозначает '1) необходимые средства для жизни, для существования; 2) самое важное, существенное, жизненно необходимое'. Несмотря на то, что опущен компонент «насущный», являющийся своеобразным актуализатором связи с библейским происхождением данной фраземы, в контексте семантическая нагрузка всей фраземы сконцентрирована в компоненте «хлеб», что предполагает ассоциации и с ремеслом поэта, приносящим средства к существованию, и со свободным поэтическим творчеством.

Вторая группа включает фраземы, которые употреблены в контексте без каких-либо структурных изменений, во вторую подгруппу которой входят фразеологизмы, подвергшиеся буквализации. В семантике таких фразеологизмов наблюдается реализация фразеологического и свободного значений. Это явление создает эффект одновременного восприятия в контексте переносного и буквального смысла компонентов.

Буквализация фразеологизма наблюдается, если сознание автора сконцентрировано на той первоначальной ситуации, том историческом или культурном контексте, в котором изначально было употреблено данное сочетание (или было выполнено определённое действие). Так, для осуждения чьей-либо жестокости, кровожадности автор не употребляет в нижеследующем стихотворении фразеологизм. Он обращается к историческому сюжету, который послужил основой возникновения фразеологизма *умывать руки*, имеющего значение 'отстраняться, уклоняться от участия в каком-либо деле; снимать с себя ответственность за что-либо', и восходит к оценке жестокого поступка Пилата:

И напрасно наместник Рима
Мыл руки перед всем народом
Под зловещие крики черни;
И шотландская королева
Напрасно с узких ладоней
Стирала красные брызги
В душном мраке царского дома...

(А. Ахматова «Привольем пахнет дикий мед...»).

В третью подгруппу входят фразеологизмы, структура которых не подверглась преобразованию, но их значение претерпело вторичное метафорическое переосмысление. Так, например, О. Мандельштам употребляет всем известный фразеологизм *лечь костьми*, обозначающий 'погибнуть в бою, в сражении; умереть', в совершенно другом значении:

*По нашим временам куда как стали редки
Любители почивших в бозе... Вот
В старинный склеп, где тихо тлеют предки,
Он входит. Снял сомбреро. На киот
Перекрестился. Долг потомка справил,
И, в меру закусив, в вагоне лег костьми.*

А вор его без шляпы и оставил.

Читатель, не кути с случайными людьми!

(Манельштам О. «По нашим временам куда как стали редки...»).

В основе переосмысления данной фраземы лежит, с одной стороны, соотнесение формы с исходным значением компонентов, рисуя у читателя образ распростертого человека, а с другой – со значением фразеологизма, которое посредством взаимодействия с элементами контекста направляет мышление читателя к ассоциации с выражением «быть мертвецки пьяным»; в результате фразеологизм получает не столь «героическое» значение. Естественно, что возникновение нового значения продиктовано речетворческим сознанием поэта, связано с идеей произведения и реконструируется из контекста. Это случай индивидуально-авторской этимологизации образной идиомы, поскольку поэт создал контекст, который отразил индивидуально-авторское восприятие образа, сопровождаемое субъективным осмыслением выразительных возможностей слов-компонентов.

В з а к л ю ч е н и и диссертации делаются выводы о том, что ключевыми концептами, вербализованными фраземами, в концептосфере поэтов акмеистической школы являются «Время», «Взгляд», «Судьба», «Смерть», «Душевная боль», которые получают на уровне фразеологии индивидуально-авторское воплощение, зависящее, в известной мере, от основополагающих установок данного литературного направления. Необходимость реализации авторского замысла стимулирует структурно-семантические изменения фразеологических единиц в дискурсивном пространстве лирического произведения: расширение лексического состава, усечение, замену, контаминацию, а также буквализацию фраземы и её вторичное метафорическое переосмысление.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

1. Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК России

1. Куманок, О.В. Поэтическое сознание как лингвокогнитивная проблема / О.В. Куманок // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск, 2007. – №9. – С. 226-235 (0,4 п.л.).

2. Куманок, О.В. Поэтический концепт и речевая реализация фразеологической семантики / О.В. Куманок // Гуманитарные исследования: Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2008. – № 2 (26). – С. 38-44 (0,5 п.л.).

2. Статьи в научных журналах и сборниках научных трудов

3. Куманок, О.В. Идиома как средство объективации концепта «Время» в поэтическом дискурсе А. Ахматовой / О.В. Куманок // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6 / Под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи, 2005. – С. 99-109 (0,6 п.л.).

4. Куманок, О.В. Особенности вербализации концепта «Смерть» фразеологическими единицами (на материале поэзии А. Ахматовой) / О.В. Куманок // Славянские чтения – 2006: Сб. материалов областного конкурса-фестиваля и научных чтений: Старый Оскол, 2006. – С. 112-118 (0,4 п.л.).

5. Куманок, О.В. Функционирование индивидуально-авторских образных словосочетаний, содержащих цветные эпитеты (на материале поэзии Н.С. Гумилева) / О.В. Куманок // Цвет и смысл: Материалы науч.-теор. семинара кафедры филологических дисциплин / Сост. Цель Л.А. – Старый Оскол, 2006. – С. 44-50 (0,3 п.л.).

6. Куманок, О.В. Прагматическое наполнение значения фразеологизмов, актуализирующих концепт «Судьба» в поэзии А. Ахматовой / О.В. Куманок // Культурные концепты в языке и тексте: сб. науч. тр. – Вып. 2. / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – 164 с. – С. 124-129 (0,4 п.л.).

7. Куманок, О.В. Особенности вербализации концепта «время» фразеологическими единицами в поэтических произведениях А. Ахматовой и Н. Гумилева / О.В. Куманок // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д. ф. н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). – М.: Элпис, 2008. – С. 342-345 (0,3 п.л.).

8. Куманок, О.В. Фразеологизмы как средство создания концептосферы поэтической речи Н. Гумилева / О.В. Куманок // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. – С. 23- 26 (0, 2 п.л.).